

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1

Е. Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Роман «Чевенгур» как зашифрованная реальность

Рецензия на книгу:

**Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур».
Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. 222 с.**

В рецензии отмечается, что в книге О. Ю. Алейникова «Андрей Платонов и его роман «Чевенгур» предлагается новое прочтение одного из самых загадочных произведений Платонова. Монографическое исследование О. Ю. Алейникова, основанное на редких источниках, воспоминаниях, беседах о судьбе и творчестве писателя с родными и близкими ему людьми, во многом проливает свет на зашифрованные в романе события, выявляет «родо-словную» его сюжетных и образных решений. Из романа-мифа, романа-утопии «Чевенгур» в книге Алейникова превращается в роман-документ.

Ключевые слова: Алейников О. Ю., роман А. Платонова «Чевенгур», научная монография.

Из всего наследия А. Платонова, пожалуй, наибольшее количество научных работ посвящено роману «Чевенгур». При этом он до сих пор остается одним из самых загадочных произведений не только Платонова, но и отечественной литературы XX столетия в целом.

Если говорить об основных направлениях научного анализа платоновского романа, то ими окажутся: история создания текста, текстология, мифопоэтика, архетипические сюжетные парадигмы в романе, исторический контекст и богатство интертекстуальных переключений. Наиболее загадочные страницы произведения также анализируются главным образом на уровне жанровой рецепции мифа и мифопоэтики.

Монография О. Ю. Алейникова – не просто еще одно научное высказывание в данном исследовательском пространстве. Это новое слово в изучении «Чевенгура», основанное на редких документальных источниках, извлеченных из музей-

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; motiv_ifl@ngs.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 1
© Е. Н. Проскурина, 2015

ных хранилищ, газет первых лет советской власти, государственных архивов Воронежской области и центральных архивов страны, а также на воспоминаниях, беседах о судьбе и творчестве писателя с родными и близкими ему людьми. В результате научного поиска, изучения и систематизации фактов и реалий, письменных источников романного текста складывается отчетливое представление о его историко-документальной основе. «Чевенгур» из романа-мифа, романа-утопии превращается в документ эпохи, очень искусно и многослойно упакованный в разного рода «обертки»: мифологические, сказочные, литературные и пр.

Структура монографии организована таким образом, чтобы «обозначить вектор духовного развития А. Платонова» [Ласунский, 2013, с. 9], высветить динамику его творческих исканий. Вызревший из предшествующих сочинений (подробнее см.: [Алейников, 2009]), роман вступал в автодиалогическую переключку и с последующими произведениями писателя. Поэтому не случайно исследование О. Ю. Алейникова начинается главой, посвященной «Городу Градову», а завершается разделом «После “Чевенгура”», где главное место отведено «бедняцкой хронике» «Впрок».

Основная часть исследования построена на дешифровке, комментировании изображенных в романе событий, представляющихся современному читателю за гранью реальности. Не случайно одним из подходов к пониманию «Чевенгура» служит в платоноведении сон. Перечислить все находки О. Ю. Алейникова, направленные на выявление «родословной» сюжетных и образных решений автора, разгадку его тайнописи, в рецензии не представляется возможным. Остановимся на наиболее ярких фрагментах.

Одним из самых загадочных предстает в романе эпизод с катящимся баком, не раз привлекший внимание платоноведов (см., напр.: [Дмитровская, 1996; Мерсон, 1997, с. 63–67; Проскурина, 2008, с. 243–245]). В нем слышны отзвуки мифа об Осирисе, «Сказки о царе Салтане», социалистического мифа. Суммируем уже сложившиеся интерпретации данного фрагмента. О неотграниченности сознания персонажей от источного мифа свидетельствует в эпизоде с баком сам характер предположений героев о природе появившегося «вдалеке», «словно за пропастью», «черного постороннего тела»:

«– Это упавшая звезда – теперь ясно! – сказал Чепурный... Мы возьмем ее в Чевенгур и обтешем на пять концов. Это не враг, это к нам наука прилетела в коммунизм...

– Теперь жди любого блага, – объяснял всем Чепурный. – Тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отжившие дети, – коммунизм дело нешуточное, оно же светопреставление!

<...>

– А может, это какая-нибудь помощь или машина Интернационала, – проговорил Кеша. – Может, это чугунный кругляк, чтобы давить самокатом буржуев... Раз мы тут воюем, то Интернационал тот о нас помнит...

<...>

– Не иначе это бак с сахарного завода, – произнес Вековой, пока без доверия к самому себе... это крутьевские мужики его волокли, да не доволокли... Тяжесть сильней жадности оказалась – его бы катить надо. А они волокли...» [Платонов, 1991, с. 268].

Предположения героев, как видим, – от самых романтических, как у Чепурного, до самых реалистических, как у Векового. Однако во всех случаях их мыслью движет один вопрос: дружеское это или вражеское «послание», а также определение степени утилитарной пользы этой не то упавшей звезды, не то «машины Интернационала», не то простого бака. Но после того как внутри бака слышится поющий женский голос, все – и «романтики», и «реалисты» – принимают «объяс-

нение» Жеева о том, что кто внутри «неизвестно... какая-нибудь полоумная буржуйка с братом... брат ее отчего-то умер, и она одна запела...

– То-то она рыбка захотела быть, – догадался Чепурный. – Ей, стало быть, охота жить сначала. Скажи пожалуйста!

– Это непременно, – подтвердил Жеев.

– Что ж нам теперь делать? – рассуждал со всеми товарищами Чепурный. – У нее голос трогательный, а в Чевенгуре искусства нету... Либо ее вытащить, чтоб она отживела?

– Нет, – отверг Жеев. – Она слишком теперь слабосильная. И еще – полоумная... Питать ее тоже нечем – она буржуйка. Будь бы она баба. А то так – одно дыханье пережитка ...» [Там же, с. 269].

В этом фрагменте наиболее отчетливо представлен конфликт двух типов мифологического сознания. С одной стороны, это сознание, в основе которого – источник миф, ориентированный на признание тайны мира. Изнутри такого сознания речевые конструкции, построенные по типу «неизвестно – объяснил», вполне оправданны. Однако поведение героев определяет не это свойство, которое в данном случае манифестирует, скорее, «память жанра». Реальные поступки персонажей ориентированы на новую советскую мифологию, в основе которой лежит классовая идеология, – отсюда их полное равнодушие к судьбе «полоумной буржуйки». Сложившаяся ситуация провоцирует сравнение этих двух мифотипов. Так, в источном мифе Осирис, заключенный в ящик-саркофаг богом Сетом и брошенный в воды Нила, оказывается вызволенным из него своей сестрой и супругой Исидой; в сказке бочка с отвергнутыми Салтаном царицей и наследником прибывает к острову и раскалывается о берег, что так же, как и в мифе, обеспечивает счастливое спасение узников. В платоновском же романе судьба заключенной в баке женщины остается неясной: окрестив ее «буржуйкой» и решив, что «взять буржуйку или бросить ее – не имело никакой полезной разницы» [Там же, с. 270] (здесь и далее курсив наш. – Е. П.), герои «разрешают загадку» в соответствии с новой советской мифологией, где путь в жизнь открыт только тем, кто раньше был «ником»: «Тогда – бак в лог, и тронемся обратно – мыть полы» [Там же, с. 270]. Итак, спасение героя в источном мифе заложено в его цикличности, где смерть предполагает воскресение (кстати, отзвуки этого знания содержатся в «догадках» Чепурного и Жеева: «То-то она рыбка захотела быть, – догадался Чепурный. – Ей, стало быть, охота жить сначала ... – Это непременно, – подтвердил Жеев»); спасение героев в сказке происходит в силу логики этого жанра, акцентирующего торжество правды. Рассказанная же фантастическая история о непонятно каким образом оказавшейся в баке «буржуйке с братом» не предполагает счастливой финала, так как в сознании персонажей архаическое бессознательное побеждается новым мифологическим мышлением с его приматом утилитарной пользы, где нет сочувствия к «дыханию пережитка». Однако в финальной части эпизода в репликах персонажей мерцает внутреннее намерение заглушить голос совести и оправдать свои действия через переключение внимания с того, что находится «внутри железа», на само «железо»:

«Во время движения бака внутри его каталась какая-то мягкая начинка, но большевики спешили, давали баку ускорение и не прислушивались к замолкшей полоумной буржуйке...

– Это котел с сахарного завода, – оправдал свою память Вековой, – а я все думал, что это такое за машина.

– Ага, – сказал Чепурный. – Стало быть, это был котел, ну, пускай вертится – без него обойдемся...

– А я думал, это так себе, мертвый кругляк, – произнес Кеша. – А это, оказывается, котел!

– Котел, – сказал Вековой. – Клепаная вещь» [Там же, с. 270].

То есть в итоге все участники сюжетной ситуации единогласно сходятся во мнении, что пустили в овраг не более чем никому не нужный пустой котел.

В заключении эпизода намечается еще один событийный поворот: «...котел полетел по воздуху с обрыва оврага на его дно – и приткнулся через полминуты мирным тупым ударом в потухший овражный песок, *будто котел поймали чьи-то живые руки и сохранили его*» [Платонов, 1991, с. 270]. Здесь сложившейся драматической ситуации все-таки даруется возможность благополучного исхода – через ее переключение в парадигму восточного мифа уже на уровне сознания повествователя.

Таким образом предстает эпизод в рамках его сказочно-мифологической интерпретации. О. Ю. Алейников в своей монографии вскрывает исторический подтекст истории с катящимся баком. Как оказалось, за фантастичностью изложенных событий стоят вполне конкретные, запредельные по своей жестокости действия местной большевистской власти по отношению к «зажиточным людям». Основой эпизода послужили «сведения о необычайно жестоких пытках, применявшихся чекистами Воронежской губернии в 1918–19 годах» [Алейников, 2013, с. 136]. Так, по приводимому в монографии свидетельству историка-эмигранта С. П. Мельгунова, «в Воронеже пытаемых сажали голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали» [Мельгунов, 1990, с. 129]. Отзвук этой бесчеловечной классовой «инициативы» слышится в предположении Кеши: «Может, это чугунный кругляк, чтобы давить самокатом буржуев». Остается удивляться той поэтической искусности, с которой Платонов прячет зверства местной власти за разножанровыми художественными покровами, придавая эпизоду с баком загадочно-фантастическое звучание.

Приведем еще один любопытный пример: эпизод с идущим «по горизонту степи» высоким «дальним человеком» обычно трактуется в аспекте христианских аллюзий. На это настраивает его художественная образность: «все его туловище было окружено воздухом, только подошвы еле касались земной черты, и к нему неслись чевенгурские люди. Но человек шел, шел и начал скрываться по ту сторону видимости...» [Платонов, 1991, с. 330]. Однако разыскания в воронежских архивах привели О. Ю. Алейникова к выводу о том, что претекстом этого эпизода послужила заметка в «Воронежском красном листке», образы и язык которого в первые пореволюционные годы формировались на евангельской основе. Так, в названной заметке Карл Маркс изображался Спасителем, благословляющим «с небес своих последователей красным знаменем большевистской революции» [Алейников, 2013, с. 114]: «И чудится, что великая тень великого человека высоко в воздухе держит этот символ страданий трудового народа, благословляя всех идущих к этому знамени. <...> И тот, кто возьмет в свои крепкие руки эту святыню... пойдет с ним вперед без страха и сомненья» [Там же, с. 114]. У Платонова, однако, чевенгурцы, промчавшись «половину степи, потом начали возвращаться – опять одни» [Платонов, 1991, с. 330]. То есть, строя свой оригинальный сюжет, Платонов отталкивается от исторических фактов, часто местного масштаба. Не случайно «Чевенгур» считается одним из самых «воронежских» произведений писателя.

Автор монографии скрупулезно анализирует сюжетное время романа, сверяя его с историческими событиями. Так, например, «углубляясь в прошлое чевенгурской коммуны, нейтральный повествователь сообщает подробности беспощадной расправы (речь идет о расстреле жителей Чевенгура. – *Е. П.*), трактуемой Пиюсей как “внезапный случай”, совершившийся по “распоряжению обычаики” на основании данных “бюллетеня метеорологического губбюро”. В Воронежской губернии бюро метеорологии было учреждено в 1918 г. Упомянув в тексте название этой службы, Платонов... подсказывает осведомленному читателю, к какому срезу времени относятся реконструируемые в романе события» [Алейников, 2013,

с. 131]. Отсылки к событиям периода 1918–1919 гг. – эпохе пережитого писателем военного коммунизма – предстают в «Чевенгуре» как концептуально важная тема, переосмысленная в конце 1920-х гг. в плане «навсегда потерянного времени», созвучного тому, «что наступило в период сворачивания НЭПа, перехода к радикальным методам перестройки жизни страны» [Там же, с. 128].

В монографии вскрывается и автобиографический контекст отдельных сцен. Наибольшую пронзительность приобретает чтение чекистом поминальной книжки, предваряющее сцену расстрела жителей Чевенгура:

«О упокоении рабов божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Макария и всех сродников.

О здравии – Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасии со чадами и всех сродников и болящего Андрея.

– Со чадами? – переспросил Пиюся.

– С ними! – подтвердил чекист» [Платонов, 1991, с. 230].

По убедительному предположению исследователя, «список имен в этом эпизоде вряд ли произволен». Так, значащиеся в нем Фирс и Василий – это два деда Платонова по отцовской и материнской линиям. Константином звали родного дядю писателя, его имя тоже включено в поминальный список. Столь же не случаен и перечень имен в списке «о здравии»: Марией звали мать Платонова, Петром – его брата. А «болящим Андреем» он именует себя самого, поскольку в годы Гражданской войны Платонов был тяжело болен. Свою историю болезни как «болезни к смерти» и чудесного воскресения он изображает в сюжетной линии Саши Дванова.

По мнению О. Ю. Алейникова, в сцену расстрела вписана семейная драма Платонова по материнской линии, на что намекает одна из его карандашных записей на той странице рукописи, где содержится описание расстрела: «Мама, помоги мне вспомнить».

Одной из самых больших загадок остается название романа. Исследуя его топонику, где реально существующие названия (Балашов, Волошино, Старая Калитва, Новохоперск и мн. др.) соединены с придуманными (озеро Мутево, река Чевенгурка, деревни Черновка, Ханские Дворики, Исподние Хутора, разъезд Завалишный и др.), автор монографии приходит к выводу о том, что в придуманных наименованиях скрыта авторская ирония, распространяющаяся на весь маршрут следования героев, целью которого является Чевенгур. Таким образом, коммунистический город с придуманным названием, звучащим по-воронежски (ср. Богучар, Чигорак, Кучугуры), оказывается в этом же поле авторской иронии. И «магия слова, звучащего первоначально как “гул неизвестной страны”, разрушается речевым и событийным контекстами романа» [Алейников, 2013, с. 144].

Подобного рода примеров, подтверждающих документальную основу «Чевенгура», собрано в монографии множество, что позволяет приблизиться к разгадке потаенных семантических уровней романа. В то же время мифологизация, погружение в травестированные миры сказок и легенд опасных эпизодов соответствовали авторскому заданию «замаскировать» и «легализовать» их, в чем Платонову виделась надежда на возможность публикации произведения. Как известно, надежда оказалась тщетной. Несмотря на плотный вуалирующий слой, слишком уж отчетливо проступало в «Чевенгуре» критическое отношение автора к изображаемой реальности, что отметил М. Горький после знакомства с рукописью. «Хотели вы этого или нет, – но вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры, – писал он в ответе Платонову. – При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателями не столько революционерами, как “чудаками” и “полоумными”. <...> ...Среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по его достоинствам» [Плато-

нов, 2013]. Такая оценка пришла гораздо позже. И одним из самых весомых нам видится здесь вклад О. Ю. Алейникова.

В послесловии к своему труду исследователь пишет о том, что за пределами книги осталось еще множество материалов, собранных им за четверть века. Это обнадеживает: впереди читателей ждет немало источниковедческих открытий, связанных с романом «Чевенгур» и с творчеством А. Платонова в целом.

Список литературы

Алейников О. Ю. О реально-исторической основе повести А. Платонова «Сокровенный человек» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2009. № 1. С. 45–54.

Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.

Дмитровская М. А. Локус «Чевенгура» // Художественное мышление в литературе XVIII–XX веков. Калининград: КГУ, 1996. С. 27–36.

Ласунский О. Земляческая тропинка к А. Платонову // Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. С. 7–10.

Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Berkeley Slavic Specialties, 1997.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «Рiсco»: «P.S.», 1990.

Платонов А. Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991.

Платонов А. «Я прожил жизнь». Письма. [1920–1950 гг.]. М.: Астрель, 2013. С. 266.

Проскурина Е. Н. Структура повествования в «Чевенгуре» А. Платонова // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 231–246.

E. N. Proskurina

The novel «Chevengur» as an encoded reality (O. Yu. Aleinikov. Andrei Platonov and his novel «Chevengur». Voronezh: Nauka-Unipress, 2013. 222 p.)

The author of this review notes that in his book «Andrei Platonov and his novel “Chevengur”» O. Yu. Aleinikov breaks a new ground in studying one of the most enigmatic works by Platonov. The main aspects of the novel subjected to analysis in literary criticism are as follows: the history of creating the text, textual criticism, mythopoeia, archetypal plot paradigms in the novel, the historical context, and the abundance of intertextual references. O. Yu. Aleinikov offers a different approach to the novel. His monographic research, based on rare documentary sources, memoirs, conversations about the author’s fate and work with his family and friends, to a large extent casts light on the events encoded in the novel, thus revealing the «lineage» of Platonov’s decisions about the plot and images. From a novel-myth, a novel-utopia, in the book by Aleinikov «Chevengur» transforms into a novel document.

Keywords: O. Yu. Aleinikov, novel «Chevengur» by Andrei Platonov, scientific monograph.